

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ПРЕДМЕСТЬЕ ЕВПАТОРИИ

Во второй половине IV в. до н. э. побережье Северо-Западного Крыма с его плодородными землями и богатыми рыбой морскими угодьями вошло в состав владений греческого города - государства Херсонеса, основанного в конце V в. до н. э. в Юго-Западном Крыму (его руины находятся около Севастополя). На побережье Северо-Западного Крыма херсонесцы создали множество укрепленных и неукрепленных поселений сельскохозяйственного характера, которые снабжали город продовольствием, главным образом хлебом. С III в. до н. э. скифы начинают борьбу за этот район и около середины II в. до н. э. завоевывают его.

Крымская археологическая экспедиция исторического факультета МГУ начала работы близ Евпатории в 1963 году. В настоящее время она ведет свои исследования на городище у санатория «Чайка» и на могильнике, находящемся у деревни Заозерное. Раскапываемое городище представляет собой сложный памятник, содержащий остатки поселений античной и средневековой эпох. Первоначально на этом месте обоживались греки, затем их сменили скифы¹.

Относительно начального периода в жизни поселения (V в. до н. э.) известно пока мало. Следующий этап связан с постройкой во второй половине IV в. до н. э. своеобразного архитектурного комплекса, выполненного в лучших традициях греческого строительного искусства. Возводили этот комплекс административные власти Херсонеса. Занимал он площадь около 5 тыс. кв. метров и имел вид вытянутого с севера на юг прямоугольника, огороженного высокими стенами и укрепленного башнями. С внутренней стороны к стенам примыкали помещения, расположенные в один или два ряда. До наших дней у восточной стены

сохранились большие полуподвальные помещения с почти полутораметровыми проемами. У южной стены открыты жилые помещения. Стены и башни возведены из хорошо обработанных и плотно пригнанных квадров. А. Н. Карасев высказал предположение, что этот памятник представлял собою складской пункт, созданный для хранения продуктов перед отправкой их в Херсонес. Жилые помещения предназначались для лиц, обслуживавших склад. Исследователь подчеркивал именно общественный характер этого сооружения.

В начале III в. до н. э. оно было разрушено. Впоследствии происходят значительные перестройки разрушенного архитектурного комплекса. В подвальных помещениях были подняты полы, заложены дверные проемы; прежние большие помещения перегородены, здесь разместились жилые комнаты и хлевы. В северо-западной части комплекса был построен новый большой многокомнатный дом. Это здание имело в плане форму прямоугольника, вытянутого с востока на запад. Его площадь составляла около 400 кв. метров. У стен дома располагались помещения, выходявшие во внутренний двор. Назначение этих помещений было различным: открыта кладовая с сосудами — пифосами. Рядом находилась кухня с двумя печами и жаровней, предназначавшейся, вероятно, для выпечки хлебных лепешек. В кухне найдено много разной глиняной посуды и утвари — кувшины, флаконы, кастрюли. Здесь же обнаружено значительное количество глиняных пирамидок, служивших грузиками для ткацкого станка. Нельзя сказать определенно, стоял ли здесь ткацкий станок, на котором в свободное от стряпни время работала рабыня-повариха, или грузики только что были изготовлены и подсушивались у кухонных печей. Редкой для Северного Причерноморья является находка черепицы с отверстием для дымохода или для освещения. Обнаружены еще две кладовые с амфорами, наполненными зерном, обуглившимся во время пожара. В кладовых было также много разнообразной посуды, например, глиняная походная фляга, украшенная красными concentрическими кругами, специальные блюда для рыбы и другие изделия. Особенно интересен собранный из фрагментов чернолаковый кубок на трех ножках, которыми служили скульптурные головки негров. Длинное помещение, вымощенное камнем, вероятно, яв-

¹ А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. «Краткие сообщения» Института археологии (КСИА). Вып. 95, 1963; его же. Раскопки у санатория «Чайка» близ Евпатории. КСИА. Вып. 103, 1965; его же. Раскопки городища Чайка близ Евпатории. «Археологические открытия, 1966» (АО). М. 1967; И. В. Яценко. Раскопки скифских строительных остатков на городище Чайка в Евпатории. АО, 1967. М. 1968; его же. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.). КСИА. Вып. 124, 1970; его же. Раскопки на поселении у санатория «Чайка». АО, 1971. М. 1972, стр. 344.

лялось хлебом. Во дворе открыт колодец. Раскрытое здание III в. до н. э. можно сопоставить с греческими жилыми домами, в том числе и домами херсонесских граждан-рабовладельцев.

К сожалению, не сохранилось конкретных материалов, указывающих на занятия владельца дома. По-видимому, он, как и остальное население этого поселка, возделывал землю и разводил скот. О сельскохозяйственном характере всего поселения свидетельствуют находки орудий труда — мотыг и виноградного ножа, открытые в большом количестве хорошо оборудованные хлевы для содержания скота. Хозяин дома был, по-видимому, связан и со строительным делом: в доме и в близлежащих помещениях обнаружены архитектурные детали, надгробия и заготовка для ступы. Так, хорошо обработанная плита лежала во дворе здания. Плита, видимо, была приготовлена для закладки входного проема sklepa или для надписи. Но во время ее изготовления откололся уголок, поэтому она и не была использована по прямому назначению, а положена среди камней вымостки. Несмотря на небольшие размеры поселка, специалисты по обработке камня и строительному делу здесь были необходимы: они перестраивали и ремонтировали жилища, сооружали skleпы и гробницы из камня, открытые на могильнике, изготавливали надгробия. Должно быть, хозяин дома стоял во главе зависимых от него людей, занимавшихся этим делом. В селении жил и гончар, устроивший маленькую мастерскую в одном из переделанных помещений южной части складского комплекса.

Итак, данные о жизни поселения в III в. до н. э. свидетельствуют о значительном ее отличии от предшествующего периода. В это время перестает функционировать складской пункт, его помещения приспособляются к нуждам частных сельских хозяев. Поселение превращается в небольшой сельскохозяйственный поселок, в котором живут и работают представители некоторых ремесел. В конце III в. до н. э. жилые помещения, включая и здание III в. до н. э., сильно пострадали во время пожара, хотя жизнь в этом поселке продолжалась до захвата (около середины II в. до н. э.) поселения скифами, после чего оно стало скифским.

Городище у санатория «Чайка» представляет собою не единственный памятник, наглядно демонстрирующий переход во II в. до н. э. побережья Северо-Западного Крыма

от греков к скифам. Такую же историю имеют и другие укрепленные поселения побережья — Тарпанчи, Беляус, Поповка, которые также первоначально были основаны греками-херсонессцами и около середины II в. до н. э. захвачены скифами². Многократная смена строительных периодов на изучаемом нами греческом поселении сопровождалась обычно разрушениями и пожарами. Это объясняется скорее всего нападениями, совершаемыми извне. Возникает вопрос: с какими событиями, известными по письменным и эпиграфическим источникам, можно связать разрушение в начале III в. до н. э. общественного складского комплекса? Время его разрушения совпадает с датировкой надписи с текстом присяги херсонесских граждан³. Подобное совпадение заставляет обратиться к событиям, нашедшим отражение в этом эпиграфическом памятнике, и трактовке его данных в литературе.

Особенно важен тот фрагмент присяги, где упоминаются города и укрепления, расположенные на северо-западном побережье Крыма: «Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа»⁴. С. А. Жебелев придавал большое значение сочетанию прошедшего и настоящего времени, употребленному в отрывке («управляют или управляли»), и усматривал в этом указание на потерю Херсонесом ко времени составления присяги какой-то части своих владений. Эти отторжения, по его мнению, произошли в результате действий врагов херсонесского населения, привлечших на

² А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л. 1968; О. Д. Дашевская. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых исследований. Проблемы скифской археологии. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 177. М. 1971.

³ «IOSPE». Т. I², № 401; С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. «Известия Академии наук СССР по Отделению общественных наук», 1935, № 10; «Северное Причерноморье». М.-Л. 1953; Е. П. Левин. К вопросу о датировке херсонесской присяги. «Советская археология». Т. IX. 1947.

⁴ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 217.

свою сторону скифов⁵. Е. И. Леви объясняет возникновение этой присяги усилением политической борьбы в Херсонесе после свержения тирании в Геракле, являвшейся его метрополией. Обострение политической обстановки в городе привело к его ослаблению, что, в свою очередь, содействовало захвату скифами отдельных херсонесских укреплений⁶. На связь текста присяги с угрозой владениям Херсонеса в Северо-Западном Крыму указывал и А. И. Тюменев⁷.

Таким образом, изучение присяги привлекло исследователей к мысли о возможности нападений на Херсонес и его владения в начале III в. до н. э. врагов, как эллинов, так и варваров. При этом под варварами обычно подразумевались скифы. Однако все эти работы были написаны до начала больших раскопок в Северо-Западном Крыму, которые позволяют ныне в какой-то мере уточнить даты возникновения древних поселений и разных строительных периодов. Так, разрушение в начале III в. до н. э. фактории-склада в предместье Евпатории подтверждает заключения, сделанные при изучении эпиграфического памятника. Перед нами совершенно определенное совпадение времени разрушения рассматриваемого памятника и времени выступлений извне против Херсонеса. При этом гибель общественного складского комплекса на Чайкинском городище — не единственный факт такого рода. Усадьбы, расположенные на берегу Ярылгачской бухты, также гибнут не позднее середины III в. до нашей эры⁸. Исходя из толкования текста присяги, предложенного Е. И. Леви, можно думать, что разрушителями были скифы, воспользовавшиеся сложной внутривластной обстановкой в полисе и выступившие против Херсонеса. В пользу такого предположения могло бы свидетельствовать открытие О. Д. Дашевской около укрепления у Беляуса скифских погребений III в. до н. э., идентичных скифским захоронениям Центрального и Юго-Западного Крыма⁹. Однако для подтвержде-

ния этой мысли важно уточнение даты погребений уже в пределах III в. до н. э. И только появление скифских захоронений именно начала этого века на территории Северо-Западного Крыма может служить убедительным доказательством подобного предположения. (Если же захоронения окажутся более поздними, то их надо будет сопоставить со следующим этапом наступления скифов на Херсонес, о котором речь пойдет ниже.)

Интересно предположение С. А. Жебелева (высказанное им в подчеркнуто осторожной форме) об экономических причинах политической борьбы в Херсонесе. Весьма вероятно возникновение стремления у некоторых представителей верхних слоев населения полиса захватить в свои руки торговлю хлебом, монополизированную государством¹⁰. Такая интерпретация текста присяги явно перекликается с археологическими данными: произошло разрушение общественного складского комплекса, предназначенного для организованного хранения хлеба и других сельскохозяйственных продуктов перед транспортировкой их в Херсонес. Оба объяснения событий, связанных с разрушением складского комплекса, носят предположительный характер. Но совершенно определенной представляется связь событий, отраженных в тексте присяги, с разрушением складского комплекса у санатория «Чайка». Приведенные выше соображения и факты делают правомерным утверждение, что первые успешные выступления скифов в борьбе за побережье Северо-Западного Крыма относятся еще к началу III в. до нашей эры.

Разрушение зданий и жилищ, построенных на базе складского комплекса, произошло в конце III в. до н. э., при дальнейшем наступлении скифов на Херсонес. С этим периодом связываются сведения, содержащиеся в рассказанной Полиеном легенде о справедливой сарматской царице Амаге, наказавшей скифов за обиды, причиняемые ими херсонесцам¹¹.

В 1,5 км от изучаемого городища ведутся раскопки могильника отрядом экспедиции под руководством А. А. Коновалова¹². В не-

⁵ Там же, стр. 234.

⁶ Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 98.

⁷ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы. «Вестник древней истории» («ВДИ»), 1950, № 2.

⁸ А. Н. Щеглов, Н. Л. Подольский, А. М. Гилевич, В. И. Кац. Тарханкутская экспедиция. АО, 1971, стр. 342.

⁹ О. Д. Дашевская. Два склепа Беляусского могильника. КСИА. Вып. 119, 1969; ее же. Исследования в Северо-Западном Крыму. АО, 1968. М. 1969, стр. 299.

¹⁰ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 233.

¹¹ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао. «Записки» имп. Одесского общества истории и древностей. Т. 32. Одесса. 1915, стр. 3—7.

¹² А. А. Коновалов. Раскопки курганов близ городища Чайка. АО, 1968; его же. Раскопки некрополя у дер.

высоких (0,5—1 м высоты) курганах находится обычно несколько могил с одиночными и коллективными захоронениями, а порой и детские в амфорах. Основная масса захоронений относится к IV—III вв. до н. э.— к греческому периоду в жизни поселения. Открыты могилы и без курганных насыпей, располагавшиеся в неглубоких каменоломнях. В основании курганов нередко возводились кольца из камней, около них сооружались жертвенники-эсхары в виде каменных ящиков и столиков для подношения даров умершим. Здесь же ставились амфоры с вином и располагались погребения младенцев в амфорах. Могилы с насыпями представляли собой неглубокие ямы, стены которых обкладывались камнем. Некоторые гробницы — каменные ящики, сложенные из хорошо обработанных камней.

В 1972 г. в одном большом кургане (высота 2,5 м) обнаружен каменный склеп с дромосом (коридор) и уступчатым сводом. В склепе было около 10 захоронений. При погребенных были найдены стеклянные бусы, бронзовый браслет и два лепных светильника. Эти вещи свидетельствовали о том, что погребения относятся к рубежу нашей эры. Архитектура склепа позволяет предполагать сооружение его в более раннее время — в греческий период в жизни поселения. При изучении могильника прежде всего встал вопрос: можно ли его считать кладбищем жителей поселения, изучаемого экспедицией? Одновременность его с греческими слоями городища позволяет ответить на этот вопрос положительно. Вместе с тем отдаление могильника от селения наводило на размышления иного порядка, ибо некрополи обычно находились у самых стен античных городов и поселков. В пользу связи могильника с Чайкинским городищем может говорить нахождение его там, где шла разработка камня. Здесь были места, удобные для сооружения могил, под руками находился и строительный материал для гробниц и склепов. Поселок, надо полагать, был тесно связан со своим карьером. Люди ходили туда работать, доставляя в поселок камень.

Многие погребения оказались ограбленными. Поэтому трудно судить, являлась ли

бедность погребальных инвентарей характерным признаком для могильника в целом или только для определенных групп лиц, в нем погребенных. Все же факт ограбления большинства центральных захоронений позволяет думать, что они были более богатыми. Впускные бедные или совсем безынвентарные захоронения находят обычно на периферии курганов, содержащих разграбленные центральные погребения. Эти периферийные могилы содержат как одиночные, так и коллективные, вероятно, семейные, захоронения. Можно предполагать, что такой характер расположения могил в курганах отражает существование отдельных хозяйственно-экономических ячеек, в каждую из которых входила семья, ее возглавляющая, и лица, зависимые от этой семьи. При этом зависимыми могли быть и отдельные лица и семьи. Погребения в склепах, по-видимому, принадлежат представителям наиболее богатой группы населения. Таким образом, изучение могильника позволяет сделать вывод о социальном и имущественном неравенстве жителей поселения.

Сложным является вопрос об этнической принадлежности похороненных в могильнике. Греческий образ жизни, прослеженный в строительстве и находках ранних периодов поселения у санатория «Чайка», предполагал, что и некрополь того времени должен содержать типичные греческие захоронения, напоминавшие херсонесские. В действительности все оказалось сложнее. Сочетание вытянутых и скорченных захоронений с серией погребений младенцев в амфорах сближает исследуемый некрополь с некрополем Херсонеса классической эпохи, открытым Г. Д. Беловым. Но полного сходства между ними нет. Чайкинский могильник отличается от херсонесского отсутствием трупосожжений, наличием курганов, большого числа семейных могил, широким использованием камня в оформлении погребальных сооружений и их разнообразием. По мнению многих исследователей, скорченные погребения херсонесского могильника принадлежат местному таврскому населению¹³, скорее всего зависимому от греков¹⁴. Погребенные в скорченной позе, обнаруженные в одном из курганов Чайкинского могильника, несут

Заозерная. АО, 1969. М. 1970; его же. Раскопки некрополя у дер. Заозерное. АО, 1970. М. 1971; его же. Раскопки некрополя у дер. Заозерное. АО, 1971; И. В. Яценко. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена. «Новое в археологии». М. 1972.

¹³ Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. «Советская археология». Т. XIII. 1950, стр. 283—284.

¹⁴ В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». «ВДИ», 1949, № 3, стр. 147.

на себе явные свидетельства их подчиненного положения: они расположены на периферии кургана под каменным кольцом и почти не имеют вещей. Не исключено, что это были тавры, которых херсонесцы насильственно переселяли в Северо-Западный Крым, как предполагает О. Д. Дашевская¹⁵. С такой же долей вероятности погребенных в скорченном положении можно считать и представителями местного населения данного района.

Для захоронений Чайкинского могильника характерно смешение греческих и местных черт. К местным чертам может быть отнесено сооружение курганов и кромлехов под ними. С греческими обрядами связаны захоронения младенцев в амфорах, бескурганые погребения, сооружение склепов,

наличие жертвенников-эсхар, находки надгробий херсонесского типа и херсонесской монеты. А. Н. Щеглов высказал предположение о принадлежности Чайкинского могильника местному, зависимому от Херсонеса населению, занятому обработкой земли¹⁶. Это предположение представляется вероятным. Однако ярко выраженные греческие элементы в погребальном обряде Чайкинского могильника заставляют также предполагать наличие в нем и греческих захоронений. По-видимому, этот могильник отражает смешанный в этническом отношении состав жителей. Определеннее об этом можно будет судить после полного раскрытия памятника.

И. В. Яценко

¹⁵ О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. «Советская археология», 1963, № 4.

¹⁶ А. Н. Щеглов. Курганы-кенотафы близ Ярылгачской бухты. КСИА. Вып. 130, 1970, стр. 75.